

Что заменит неолиберализм?

Василий Колташов

Чем закончится кризис? Сколько еще он продлится? К чему приведет? Сколько десятилетий отделяют человечество от социализма? Ждет ли нас в ближайшем будущем экономический застой или самый динамичный и интересный подъем за всю историю капитализма? Возможна ли еще революция в науке, технике и строении экономики? Какой может она оказаться? Что за мир предстанет перед нами после кризиса?

Всякий острый и продолжительный кризис системы капитализма создает ощущение встающего на горизонте варварства. В XX столетии чувство катастрофы буржуазной цивилизации вызывали Великая депрессия 1929–1933 годов, спад 1973–1982 годов и даже забытые потрясения кризиса 1899–1904 годов. В 2008 году мир столкнулся с новым тяжелым кризисом, и апокалиптические настроения опять получили подпитку. Среди левых стало традицией противопоставлять угрозе варварства (будто заново рождаемой всякий раз кризисами капитализма) социализм – «реальную альтернативу». Между тем в марксистском понимании социализм – это не вариант на выбор (от лат. *alternatus* – другой), а закономерный итог развития капиталистического способа производства.

Социализм, или коммунизм, это общественный строй, приходящий на смену капитализму в результате его развития. Социализм невозможно ввести декретом и его нельзя выбрать всякий раз, как капита-

лизм почувствует себя плохо, погружится в большой кризис. Чтобы понять, когда история подведет человечество к революционной смене формации, необходимо верно представлять логику развития капитализма. Именно с этим связана одна из основных идеологических проблем современных коммунистов.

Кризис левого движения – предмет многочисленных констатаций. Одни определяют его начало с неудачи европейских революций 1918–1923 годов, другие склонны видеть его зарождение в 1950–е или 1960–е годы, когда левые партии пошли по пути реформизма, а молодежь дала пример яростной вспышки протеста с последующим разложением «новых левых». Все события истории классовых битв XX столетия имели объективную обусловленность. Ошибки вождей, предательство бюрократии и крен партий стоят на почве экономических условий. И если хорошо понимать логику движения этих условий, а это логика эволюции капитализма, то возможно разобраться не только в содержании запутанных событий, но и в том, как скоро мир способен достичь социализма. Становится понятно: какие преграды стоят на пути этого движения и как долгий регресс общества подготавливает революции прогресса.

Капитализм деградирует и разрушает многие завоевания социального развития – таков популярный в левой среде тезис. Его нельзя назвать бесосновательным, но

логика его приверженцев формальна. Рост капиталистической экономики действительно замедлился по сравнению с 1950–1960-ми годами. Однако в истории он неоднократно изменялся: 1880–1890-е годы он был намного ниже, чем в 1850–1860-е годы. Затем, после бума 1920-х годов, он оказался чрезвычайно слабым в 1930-х годах. Означали ли эти колебания, что капитализм уже подошел к пределу своего развития? Безусловно, нет. Опершись на открытие Николая Кондратьева легко заключить, что в повышательные периоды (1850–1873 годы или 1949–1973 годы) развитие шло быстрее, чем в промежуточные – понижательные отрезки истории. Одна волна сменяла другую. Но какова была природа этих перемен?

Всякий раз в истории мирового капитализма повышательный период характеризовался более активным промышленным ростом. Быстрее увеличивался спрос, в то время как во время понижательных волн он поднимался медленнее. В этом плане 1982–2008 годы как время понижательной волны не выделяется ничем особым. Большая частота и длительность кризисов перепроизводства отражает неустойчивость роста. Рынок насыщается быстрее, а увеличивается медленнее. И это никак не говорит о ползучем – тянущемся три десятилетия кризисе перепроизводства. Промышленные циклы остаются, подъемы и спады сохраняются.

Гораздо важнее констатации низких темпов хозяйственного роста вопрос о его природе – о происхождении потребления. Окончание полосы нестабильности 1970-х годов не привело к повсеместному внедрению робототехники в производстве и сфере услуг, как ожидали некоторые эксперты–футуристы.

Техническое перевооружение многих производств в Европе, Японии и США состоялось. Но это была уже во многом инерция прежнего подъема. Дорогая энергия и дешевая рабочая сила перевесили новые промышленные технологии. Производство в странах периферии со старой техникой и низкооплачиваемыми пролетариями оказались более выгодными, чем многие хорошо оснащенные фабрики на Западе.

Но для начала нового подъема было недостаточно включения в процесс производства армии дешевых слабо квалифицированных тружеников. Это компенсировало фактор дорогих энергоресурсов, хотя с началом нового подъема цены на нефть (с 1986 года) стали снижаться. Движение к дешевой рабочей силе обеспечивало снижение себестоимости товаров, но эти товары требовалось сбывать. Покупателями стали рабочие старых индустриальных государств. Революция в информационных системах дала корпорациям новые возможности контроля за рассредоточенными по планете предприятиями и породила новые отрасли, значение которых для неолиберального подъема 1982–2008 годов было колоссальным.

Производство компьютеров, мобильных телефонов, революционных музыкальных устройств и иной новой техники соединило достижения робототехники и дешевый ручной труд. Именно эти инновационные отрасли предложили мировому рынку обилие новых товаров, а главное создали или помогли создать многочисленные рабочие места. Застой в одних сферах экономики в эру неолиберализма совмещался с прорывами в других. Как в любые длинные периоды капиталистического развития, повыша-

тельные или понижительные, подъем открылся после тяжелого кризиса с успехов новых отраслей. Они потянули за собой всю глобальную сеть производства. Рост числа занятых в сфере услуг был частью этого процесса, включая переформатирование международного разделения труда. Капиталы кочевали из страны в страну в поисках все более выгодных условий эксплуатации, дешевого сырья и рабочей силы.

Деиндустриализация в странах полупериферии, включая постсоветское пространство и Латинскую Америку, была порождена сравнительной невыгодностью местных условий для транснационального капитала. Распад советской системы произошел относительно поздно. К тому времени корпорации уже сократили инвестирование в одни экономики и усилили в другие, где рабочая сила была дешевле и имелись иные преимущества. Поэтому одни страны переживали в 1990–е годы бум, а другие индустриальный упадок после роста в 1980–е годы. Однако в целом глобальное хозяйство продолжало промышленное развитие. И все же совершенно неверно оценивать десятилетия неолиберализма как время чистого прогресса, эволюционного движения вперед. Процесс носил противоречивый характер. Во многом общество вынуждено было отойти назад по сравнению с динамичным временем 1950–1960–х годов.

Либеральные идеологи провозгласили единство свободного рынка и демократии. На деле неолиберализм усилил реакцию, как в государствах Запада, так и в большинстве стран вообще. Она приняла различный характер. В одних государствах (более развитых) для нее было характерно осторожное и планомерное наступление на заво-

евания трудящихся, в других – жесточайшее подавление любого сопротивления эксплуатации, свободомыслия или даже сомнения. Власти помогали усилению религиозности, разрушали образование и науку. Свободно перемещающийся капитал использовал локальные, изолированные рынки труда, сохраняя раздробленность мировой экономики, и также он старался дефрагментировать общество.

Образовательная и культурная деградация трудящихся, неоднородность национальных социумов и дефицит свободы передвижения рабочей силы долго не вступали в противоречие с ростом экономики. Они не препятствовали накоплению, но снимали многие проблемы монополий – позволяли легче осуществлять нужную политику.

Рост числа занятых в коммерческой сфере услуг за период 1980–2000–х годов был в огромной мере связан с изобилием и дешевизной рабочих рук. Именно этот ресурс сдерживал долгое время экспансию торговых сетей, мешая им целиком пожрать мелкую торговлю. Информационно-коммуникационная революция 1970–х годов обеспечила корпорации необходимыми средствами для расширения и усложнения деятельности. Она позволила ускорить вынос производства в страны периферии. Но этот процесс сравнительно мало расширял мировой рынок. Большая интенсивность труда, возросшее вовлечение замужних женщин в экономику наряду с недорогими кредитами (продукт избытка капиталов) поддерживали в странах центра увеличивающееся потребление. Однако перенасыщался рынок сравнительно быстро.

Расширение коммерческой сферы услуг в развитых капиталисти-

ческих странах шло параллельно с уменьшением сферы услуг общественной. Сокращение социальных расходов было призвано создать новые или расширить старые рынки. Так, плохая общественная система очистки воды давала шанс на увеличение продаж домашних фильтров или воды в бутылках. Заброшенные правительствами дороги облегчали создание платных трасс. По аналогичному сценарию развивалась частная медицина, дома для пенсионеров и учреждения образования.

Компании мало заботились о создании оптимальных по персоналу систем управления, торговли или оказания платных услуг: они могли много нанимать и легко увольнять. В сфере питания использование официантов стабильно доминировало над самообслуживанием. Возможности техники активно использовались для контроля наемных работников, но слабо – для сокращения трудозатрат. В сфере услуг капиталу легче было осуществить удлинение рабочего дня, чем в промышленности. Основанием таких изменений являлся подешевевший труд, включая труд иммигрантов. В странах периферии процесс шел подобным образом.

Постепенно мировой капитализм столкнулся с противоречием дорогих энергоресурсов, поднявшейся цены рабочей силы в странах периферии, исчерпанием рынков США и ЕС. Важным событием оказалось замедление развития электроники. Дальнейшее снижение цен на промышленные товары требовало снижения издержек. Капитал видел, прежде всего, возможность удешевить рабочую силу, пользуясь наступившим в 2008 году экономическим кризисом. Но чем успешнее решалась такая задача в рамках национальных экономик,

тем уже делался потребительский рынок. Не удивительно, что, пройдя три года, кризис так и не пожелал завершиться. Неолиберальный капитализм попал в тупик.

Снятие породивших мировой спад частных противоречий вполне возможно при капитализме. Но путь к этой цели лежит не через дальнейшую рыночную либерализацию общественной жизни и лишение трудящихся прежних прав, а через стимулирование роста потребления. Такой «социализм» пугает корпорации, но уже он один может привести к преодолению спада. Предварительно мировую экономику ждет новая острая фаза кризиса с крахом спекуляций и многочисленными банкротствами. Обусловит ее исчерпание возможностей монетарного поддержания стабильности. Финансовые власти США добились затягивания кризиса. А временное снятие некоторых признаков не устранило его причин.

Кейнсианство потерпело крах как буржуазная политика в странах центра потому, что оказалось более невыгодным монополиям. Переход к неолиберальной политике обеспечил корпорациям новые возможности накопления, а главное – приспособление к условиям, возникшим на планете в результате краха колониализма. Ресурсы бывших колоний и зависимых рынков были по-новому поставлены на службу капитализму. Немаловажной оказалась роль открывшихся с крушением «реального социализма» рынков. За счет них произошло типичное для многих понижающихся волн территориальное расширение экономики мирового капитализма.

Кейнсианство не может просто вернуться как инструмент преодоления кризиса. Эта модель предпо-

лагала поддержание потребления в развитых индустриально странах за счет эксплуатации рабочей силы и природных ресурсов колониальной и полуколониальной периферии. Вздорожание сырья – сырьевой кризис 1960–х годов – подорвало основу кейнсианской экономики в странах центра.

В современных условиях капитализму, чтобы выжить, придется пойти на большие уступки трудящимся, чем это было возможно во время расцвета кейнсианства. Локальные рынки должны будут объединиться, а борьба за сбыт обострится еще до конца нынешнего кризиса. Для перехода к хозяйственному росту государству придется перейти от эпизодической поддержки потребителей к стратегии экономического регулирования при стимулировании роста платежеспособности широких слоев. Капитал должен будет сделать ставку на новую технику и квалифицированный труд. Коммерческая сфера услуг видоизменится, возможно, значительно сожмется. Общественная сфера, стимулируемая государством, наоборот возобновит быстрый рост.

Однако не стоит ожидать подарков от буржуазии. Лишь действия трудящихся масс наряду с углублением рыночного кризиса помогут капиталу осознать, что возникает угроза крушения всего эксплуататорского строя. Потеря эффективности экономики делает даже сравнительно слабые удары рабочего движения более ощутимыми для корпораций.

Капиталу придется взять на себя издержки по преодолению кризиса (его наиболее острый этап мы еще увидим). Рынки начнут сливаться, как это не единожды было в истории, а конкуренция между мировыми группами крупного капитала

усилится. Рост мировой торговли не прекратится с торжеством протекционизма, наоборот, рост больших рынков окажется еще большим. При этом буржуазное государство должно будет выработать стратегию выращивания, поддержания и защиты рынков. Карликовые страны лишатся перспектив. Большинство оффшоров, вероятно, будет ликвидировано.

Структурные изменения, как можно ожидать, включают транспортную революцию, и общее развитие коммуникаций не в частных, а общеэкономических интересах. Коммерческое поле вообще сократится. Платная медицина, образование и некоторые иные виды бизнеса могут быть даже запрещены как паразитические. Их национализация, как и перемены в целом, не произойдут без активного вмешательства масс. Но не стоит думать, будто капитал от этого только проигрывает. Его концентрация, видимо, возрастет, а избавление потребителей от многих расходов на услуги высвобождает средства для покупки промышленных товаров. На пользу монополиям пойдет и дальнейшее вытеснение мелкого и среднего бизнеса.

Капитализм неоднократно видоизменялся, проходя через смену волн в большие кризисы. Он может измениться еще раз. Он может взять на вооружение многое из того, с чем беспощадно боролся в эру неолиберализма. При этом зрелость классового сознания рабочих остается недостаточной для того, чтобы заменить буржуазный строй революционным порядком и шагнуть к социализму. Капитализм как мировое явление не исчезнет пока не дойдет до предела возможного развития. Этот предел близок, но он еще не достигнут. Впереди новый этап общественно-

го развития, в ходе которого, вероятно, подготовка предпосылок новой формации завершится.

Структурные изменения в капиталистической системе должны будут произойти вместе с переменами в технике. Всякая смена длинных волн в истории сопровождалась научно-техническими переворотами. Изменения могли затрагивать далеко не все отрасли общественного производства. При переходе к понижательным волнам они были менее масштабны. Однако, они всегда происходили. Нынешний кризис подготавливает повышательный период развития. Породившие потрясения мировой экономики противоречия указывают на необходимость масштабной революции в науке и технике. Отсутствие ее признаков в первые годы спада еще не означает, что эти перемены не произойдут позднее – на финальном этапе глобального кризиса. Какими они могут оказаться и в каких областях совершатся?

Большинство экономистов как правого, так и левого толка предсказывают после окончания глобального кризиса слабый подъем. Вероятно, все будет наоборот. Подъем должен будет оказаться большим. Общество привыкло считать инновационной информационную сферу. Энергетика, производственное оборудование и даже транспорт воспринимаются как нечто консервативное – подошедшее к пределу развития. Но предела развития техники не существует. Возрождение одних энергоресурсов при капитализме создает предпосылки для перехода на новые. Древесный уголь был заменен каменным, а его потеснили нефть и природный газ. В 1960–1970-е годы экономика капитализма вплотную подошла к повсеместной роботизации и автоматизации производства. Возврат

к принципам широкого применения робототехники требует, прежде всего, доступности большого количества дешевой энергии.

Энергетическая революция – это главное, что ожидает человечество в рамках предстоящих научно-технических перемен. Важной частью индустриальной революции станет появление новых синтетических материалов, по качеству не уступающих старым, но значительно более дешевым в производстве. Одни отрасли ждет упадок, другие – расцвет. Сложно сказать, как конкретно произойдет технологический скачок. Но можно предположить, что прорыв в энергетике обеспечит атмосферное электричество, о котором так много говорил Никола Тесла. Дешевая энергия облегчит развитие транспорта. И если будут открыты двигатели нового принципа или революционные способы сохранения энергии, то возможным окажется, например, массовое производство персональных летательных аппаратов. Автомобиль уйдет в прошлое. Возможно появление и других отраслей. Старые отрасли должны будут существенно измениться; так, с помощью новых материалов и дешевой энергии возможна революция в жилищном строительстве.

Исторический опыт капитализма, подтвержденные им законы указывают: настоящий кризис несет человечеству не угрозу варварства, а новый переворот в его жизни. Качественные перемены в системе капитализма потребуют возврата к политике повышения образовательного уровня трудящихся, социализации иммигрантов, вывод их из искусственных гетто неформальной занятости. Должны будут подняться стандарты оплаты труда и расширяться социальные гарантии.

Наибольшие темпы роста можно ожидать не в странах центра, а

в экономиках полупериферии и периферии неолиберального капитализма. Последние страны должны будут самостоятельно преодолеть социальный кризис и пройдут через череду революций. Дешевая низко квалифицированная рабочая сила не будет востребована, но окажутся ценными потребители и образованный персонал. Это противоречие будет разрешено через политику повышения культурного уровня масс и всеобщей занятости. Продолжительность рабочей недели сократится. Это станет дополнительным стимулом для перехода к новой технике.

Было бы наивно ожидать, что описанные перемены станут возможными с добровольного согласия монополий. За годы кризиса капитал не только осознает полный экономический крах неолиберализма, но и должен будет отступить перед напором классового движения.

Сегодня любые проекты реформ, улучшающие положение рабочего класса, воспринимаются правительствами и капиталом как наглые, абсурдные и недопустимые. Это настроение предстоит сломить. Усилившееся в кризис наступление на права трудящихся не приведет к восстановлению роста, зато оно вызывает растущее возмущение низов. Даже реформирование капитализма в целях преодоления глобального спада потребует во многих странах политических революций.

Современная экономика еще нуждается в низкооплачиваемом труде иммигрантов из отсталых стран. Но снижение этой потребности уже создало условия для обострения политической ситуации во многих странах. Восстание народных масс Киргизии в апреле 2010 года показало путь пере-

мен для стран периферии, где неолиберализм создал тяжелейшую социально-экономическую обстановку. Деградация классового сознания трудящихся более развитых стран не была тотальной. Массы способны на борьбу за лучшее будущее, но вряд ли готовы для нового общественного строя – социализма. Формирование его материальных предпосылок еще не завершено. Ненужность класса собственников должна приобрести всеобщую очевидность, а участие трудящихся в управлении экономическими объектами стать необходимым. Все это невозможно еще на нынешнем этапе истории.

На новой структурно-технической базе еще при капитализме могут быть сняты многие проблемы окружающей среды. Затраты на преодоление экологических проблем способны оказаться относительно невелики. Массовая переработка старого мусора при дешевой энергии может стать высоко рентабельным делом. Все это не имеет ничего общего с либеральным мифом о «зеленой экономике» с ветряными генераторами, солнечными батареями в Сахаре, биотопливом и отдельными мусорными урнами для стекла, бумаги и пластика.

В Докладе ИГСО «Кризис глобальной экономике и Россия» от 9 июня 2008 года нами была названа примерная продолжительность кризиса, в который тогда еще мало кто был готов поверить. Предполагалось, что пик кризиса – основное падение придется на 2009–2010 годы. Депрессия с перестройкой экономики для нового развития должна была растянуться до 2013 года. Расчет строился на опыте предыдущих больших кризисов капитализма. Администрация США и правительства других стран смогли

осуществить беспрецедентную финансовую накачку корпоративного сектора. Потери спекулянтов были восстановлены, а сами спекуляции возобновились почти с прежней силой. По некоторым оценкам частный сектор планеты получил 15 трлн. долларов, а эмиссия американской валюты превысила к 2011 году 9 трлн. Развитие кризиса замедлилось, что делает повторный крах вопросом ближайших месяцев или лет. Затягивание кризиса может привести к окончанию его позднее, чем мы прогнозировали. При этом социально-политические перемены получают дополнительное время на вызревание.

Некоторым аналитикам кажется, что современный кризис капитализма похож на кризис 1970-х годов. В глаза бросается ставка правительств на старые проверенные механизмы регулирования, страные победы с их помощью над падением экономики и новые – еще большие проблемы в итоге. Технологическая революция тогда произошла не в преддверии проблемной эпохи (как это было прежде), а уже в ходе нее. Не секрет, что многое в компьютерном и программном мире тех лет было создано энтузиастами в гаражах. Но современный глобальный кризис – это 1970-е годы наоборот. Движение в нем происходит не к установлению неолиберальной экономики, а от нее. Капитализм должен пройти от краха эффективности старой модели, через отчаянные попытки ее спасти, к установлению новой.

По окончании современного кризиса миру потребуется приблизительно 25 лет, чтобы подойти к новому большому кризису. Установление нового типа регулирования не избавит экономику от кризисов перепроизводства и от очередного системного кризиса – кризиса

пределов волны. Скорее всего, переход от застоя к подъему на новой технологической основе не произойдет во всех странах одновременно. Запаздывающие области планеты будут обречены на особенно сильные политические потрясения. Посткризисный подъем не уничтожит отсталость, напротив – ее степень еще более возрастет, но он резко сократит пространство отсталости. Снятие проблемы неравномерности развития будет уже задачей нового исторического переворота.

Вероятно, предстоящий повышательный период окажется последним в истории капитализма. Удешевление товаров за его время дойдет до пределов товарности производства. В ходе него общество, очевидно, столкнется с индивидуализацией заказов на продукт. Прогресс техники позволит выпускать вещи по индивидуальным параметрам. Общество окажется и более гуманным, и более сознательным. Класс собственников предстанет к концу зарождающейся волны главной преградой дальнейшего прогресса. Причем – преградой требующей полного и скорейшего устранения. Сужение рыночных отношений по итогам настоящего кризиса со временем окажется недостаточным. Они вообще превратятся в преграду хозяйственного развития.

В рамках капитализма ответом может стать новое издание «смешанной экономики». Обобществление ряда отраслей позволит сохранить эффективную эксплуатацию труда в корпоративном частном секторе. Национализированные отрасли промышленности будут субсидировать коммерческие предприятия. Капитализм не утратит свои «родовые признаки». Противоречие между наемным трудом

и капиталом сохранится, как сохранится и борьба классов. Но в отличие от неолиберальной эпохи ее значение резко возрастет. Это отразится и на политике: вес масс в ней вновь поднимется. Развернется борьба за новые социальные реформы. Возродятся и обретут новые черты массовые рабочие партии.

Немаловажным итогом нынешнего мирового кризиса должно будет стать изменение структуры потребления. Признаки этого уже заметны. Но без экономического перелома они не могут быть прочно закреплены. Развитие сельского хозяйства в новую буржуазную эпоху далее пойдет по промышленному пути. Экологические стандарты смогут сделать его продукцию более чистой, а технологиче-

ская революция поможет сделать производство пищи более массовым и доступным. Питание и здоровье сотен миллионов людей улучшится. Логично также предположить новый прогресс медицины при ее доступности (декоммерциализации).

Три тягостных десятилетия неолиберализма сделали из противников капитализма пессимистов. Вера в прогресс (не говоря уже о желании постичь его логику) была утрачена не только обществом, но и многими передовыми его представителями. Однако прогресс существует. Но чтобы твердо поверить в него, его необходимо понять. Движение вперед полно трагедий и противоречий, однако оно неизменно. И капитализм идет туда, где ему предстоит исчезнуть.